

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.31249/rsm/2018.02.16

Т.Н. Красавченко

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО И ЕГО ВРЕМЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКЕ

Аннотация. В статье рассмотрена амбивалентная оценка жизни и творчества Евгения Евтушенко (1932–2017) английской и американской критикой, воспринимающей его как поэта советской цивилизации.

Ключевые слова: советская поэзия, шестидесятники, поэт и власть, «лояльный оппозиционер», литературная репутация, общественное мнение в Великобритании и США.

Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: tatianakras@mail.ru

T.N. Krasavchenko. Yevgeny Yevtushenko and His Time in British and American Criticism

Abstract. The article analyzes the ambivalent opinions of British and American critics of Yevgeny Yevtushenko (1932–2017), seen as a poet of the Soviet civilization.

Keywords: Soviet poetry, Soviet intelligentsia of the 1960 s, a poet and a state, «loyal opposition», literary reputation, public opinion in Great Britain and the USA.

Krasavchenko Tatiana Nikolayevna – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: tatianakras@mail.ru

Поэт Евгений Евтушенко (1932–2017) стал известен на Западе в начале 1960-х годов. Тогда в Советском Союзе возникла, по выражению известного британского переводчика русской литературы М. Хейварда, «лояльная оппозиция» («loyal opposition») – поколение писателей и художников периода «хрущёвской оттепели», настроенных на «плюрализм мнений в интеллек-

туальной жизни советского общества» [10]. Было время, когда «русская литература и Евтушенко были почти синонимами», – пишет британский литературовед, один из первых переводчиков стихов поэта на английский, профессор Сассекского университета Р. Милнер-Галленд [9]. Знаменитым сделала Евтушенко поэма «Бабий Яр», опубликованная 19 сентября 1961 г. в «Литературной газете» (за что ее главного редактора В.А. Косолапова сняли с должности). Она была сразу переведена как минимум на 70 языков. И до сих пор в западном общественном мнении имя Евтушенко ассоциируется прежде всего с «Бабьим Яром»¹. Тем более что композитор Дмитрий Шостакович, невероятно известный в 1960-е годы во всем мире, написал Тринадцатую симфонию на стихи Евтушенко «Бабий Яр», первое исполнение которой состоялось в Москве 18 декабря 1962 г., второе – в Минске в марте 1963 г. Так Евтушенко «вошел в историю музыки» [13], а известность его как поэта еще более возросла. Подлинный культ его на Западе возник, пишет американский писатель и журналист С. Шмеман, после появления на обложке американского журнала «Таймс» в апреле 1962 г. портрета Евтушенко как «сердитого молодого человека» и статьи в журнале о нем как о духовном лидере либерализирующейся России [14]. Первый же том переводов его стихов на английский, сделанных Р. Милнером-Галлендом и английским поэтом П. Леви (1931–2000)², стал бестселлером, затем последовали другие издания в Великобритании и в США.

По словам американского писателя Д. Пипенбринга, Евтушенко – редкий случай поэта, получившего столь широкую известность в своей стране, что однажды – и это явно поразило американца – поклонники Евтушенко пронесли его по московскому стадиону Лужники как «олимпийского чемпиона поэзии» [12]. Профессор Висконсинского университета (Мэдисон) Р. Андерсон видит в Евтушенко всемирно признанного поэта с харизмой актера и инстинктом политика, чьи стихи вдохновляли поколение русской молодежи на борьбу со сталинизмом во время холодной войны [2].

На Западе Евтушенко воспринимают главным образом как социального поэта. И как заметил писатель и журналист, гражданин Великобритании И. Померанцев, в политическом и социальном плане у Евтушенко нет равных:

1. Существует мнение, что подлинным автором «Бабьего Яра» был поэт Юрий Влодов (1932–2009), который не мог напечатать этот текст, ибо был в заключении. «Стихи спас Евтушенко, опубликовав их с некоторыми изменениями. Вопрос об авторстве пока до конца не прояснен, но не надо забывать, что в 1962 г. взять на себя смелость подписаться под “Бабьим Яром” значило очень сильно рискнуть благополучной жизнью. Евтушенко рискнул», – утверждает И. Толстой [1].

2. Евтушенко особенно повезло с переводчиками в Германии: ему обеспечено место в пантеоне немецкой литературы, потому что его переводил гениальный поэт Пауль Целан [13].

именно он запечатлел время, в которое жил – он, а не Солженицын или Бродский, бросившие вызов своему времени [13]. Померанцев называет Евтушенко «поэтом серфинга», т.е. всегда находившимся на «гребне волны»: после выхода первого сборника стихов «Разведчики грядущего» («Советский писатель», 1952), в котором он славил Сталина, Евтушенко стал самым молодым членом Союза советских писателей, его приняли в Литературный институт [15], а через десять лет по инициативе Хрущёва он опубликовал в «Правде» (21 октября 1962 г.) антисталинское стихотворение «Наследники Сталина». Его «Бабий Яр» разгневал советских антисемитов, но принес поэту мировую славу. В августе 1968 г. он осудил советское вторжение в Чехословакию, написал стихотворение «Танки идут по Праге», но его продолжали печатать, и он по-прежнему ездил за границу, что было редкой привилегией в СССР. По мнению Померанцева, в 1960–1980-е годы он играл на Западе ту же роль, что И. Эренбург в сталинское время, держался он там свободно, даже вызывающе. И этим отличался, скажем, от Шостаковича, который, по воспоминаниям И. Берлина, посетив в 1958 г. Оксфорд, был парализован страхом. Евтушенко лично знал многих культовых людей своего времени: Пикассо, Шагала, Фиделя Кастро, Сальвадора Альенде, Марлен Дитрих, Роберта Кеннеди, фотографировался с Ричардом Никсоном, в 1963 г. был номинирован – без успеха – на Нобелевскую премию. Померанцев приводит знаменитую строчку Евтушенко – «Поэт в России больше, чем поэт» и считает, что эта роль выжала поэта из Евтушенко, но позволила ему оставаться актуальным до конца жизни. Он вспоминает, как встретил Евтушенко в Мюнхене на Радио Свобода в середине 1990-х годов и спросил, не называется ли его поэзия времен «оттепели» и брежневской эпохи поэзией «эрзац свободы»? И Евтушенко печально ответил: «Я бы предпочел, чтобы ее называли “глотком свободы”». Померанцеву показалось, что он искренне верил в это [13].

В целом отношение к Евтушенко в США и Великобритании двойственно, хотя в Великобритании к нему относятся критичнее, чем в США. Впервые он приехал в Великобританию в 1962 г. по приглашению Британского Совета, читал стихи, в частности «Бабий Яр», в Кембридже (с параллельными переводами Р. Милнер-Галленда и П. Леви) [10]. Р. Милнер-Галленд называет Евтушенко харизматичной личностью с поразительной жизненной энергетикой [9], он производил незабываемое впечатление не только ростом, привлекательной внешностью, умением говорить, но особой импонировавшей британцам раскованностью: ему была свойственна авторитетность и остроумие, он говорил серьезно и шутил, сплетничал, отмечая нелепое и иногда ужасное в советской жизни – и жизни вообще. Р. Милнер-Галленд, как и многие, считает его потрясающим актером – корни этого дара в его отрочестве: в стихотворении «Свадьбы» (1955) поэт описал военные свадьбы, на которых он,

еще мальчик, пляшет, чтобы развлечь присутствующих («Пляши!.. – кричат отчаянно, и я опять пляшу») [10].

На Р. Милнер-Галленда произвела впечатление открытая, лиричная, искренняя поэзия Евтушенко, который многим обязан Маяковскому, Пастернаку, Есенину, хотя сравнение с ними не в пользу Евтушенко. Но достоинство его критик видит в том, что он существенно «демократизировал» поэзию, драматизировал ее, внес в нее энергию эмоции за счет изысканности, использовал неожиданные метафоры и рифмы, игру слов, многие строки его стихотворений запоминаются. Р. Милнер-Галленд сравнивает Евтушенко с группой «Ливерпульских поэтов» 1960-х годов, как и советский поэт, «зрелищных, бьющих на эффект», «поэтов перформанса» [9]. Он вспоминает, как Евтушенко, писавший и «рискованные стихи», читал ему стихотворение «Танки идут по Праге» в Москве в машине с включенным мотором, чтобы заглушить прослушку. На его взгляд, Евтушенко сознательно рисковал, нарушая советские нормы поведения (в частности, встречался с иностранцами) [10], а мнение западных советологов о том, что тот «продался» советской власти, исследователь считает чепухой [9].

Иная точка зрения – в эссе «Печальный случай Евгения Евтушенко» известного британского поэта и историка Р. Конквеста (1917–2015), близко дружившим с английским писателем К. Эмисом, который встречался с Евтушенко в Лондоне в 1960-е годы. Конквест критически отозвался о советском поэте в одной из статей, перепечатанной в его воспоминаниях, был против его работы профессором поэзии в Оксфорде в 1967 г., и в эссе подвел итоги творческой деятельности к 40-летию поэта [3], напомнив о том, что еще недавно Евтушенко выступал как рыцарь либерализма в борьбе против советского партаппарата, огромные аудитории собирались на его выступления, его поэма «Бабий Яр» воплощала надежды новой, свободной России, так же его воспринимали и на Западе. Но в его репутации произошли существенные изменения. Об этом, в частности, свидетельствует одобрение газетой «Правда» его «энергичной гражданской позиции» в сборнике «Поэт в России – больше, чем поэт» (1973), означающее признание полной лояльности поэта власти. В то же время, пишет Р. Конквест, романист Владимир Максимов, преследование которого в России в 1973 г. привлекло пристальное внимание мировой общественности, в письме в Союз советских писателей (перед исключением его оттуда) упомянул Евтушенко как одного из третьеразрядных литературных интриганов и торгашей [там же].

Р. Конквест рассказывает также историю конфликта Евтушенко с В. Аксеновым и Г. Поженяном. Аксенов и Поженян вместе с Овидием Горчаковым под псевдонимом Гривадий Горпожакс (комбинация имен и фамилий авторов) издали роман «Джин Грин – неприкасаемый» (1972). Роман представлял собой пародию на джеймсбондовские шпионские романы.

Евтушенко обрушился на роман с резкой критикой, он утверждал, что, на его взгляд, пародия не удалась, ибо авторы были слишком очарованы персонажами, которых хотели высмеять. В ответ Аксенов и Поженян написали статью, в которой заявили, что Евтушенко использовал свое официальное положение секретаря Союза писателей для сведения «личных счетов». Авторы романа обвинили его в «лицемерной демагогии» и фактически в предательстве своих коллег, не почитаемых властью. Их попытки опубликовать ответ в печати были отвергнуты [3].

Р. Конквест рассматривает феномен Евтушенко как любопытную амальгаму политики, публичности и поэзии. По его мнению, Евтушенко – настоящий поэт, хотя и не первого ряда. До его внезапного политического и морального краха в середине 1960-х у него была прекрасная биография. Некоторые стихи Евтушенко резко критиковались в партийной печати в 1957 г., когда первая волна «оттепели» пошла на убыль. Но в последующие «волны» хрущёвской оттепели, позволявшие надеяться на лучшее, Евтушенко отождествил себя с определенным направлением в рамках хрущёвского крыла коммунизма, заняв позицию, которую можно определить как либерализм, совместимый с «работой внутри». Иллюстрация этой позиции – стихотворение «Наследники Сталина». Оно вписывалось в рамки антисталинских решений XXII съезда партии в 1961 г.

Либерализация такого типа, пишет Р. Конквест, казалась постоянной, а молодые поэты – ее наиболее активными лидерами. Их влияние постепенно возрастало. Сборники стихов Евтушенко выходили сотысячными тиражами. В литературном мире стало (как жаловался секретарь ЦК по идеологии Л. Ильичёв) «неудобно и немодно защищать партийные позиции». Партаппаратчики заволновались, им казалось, что ситуация выходит из-под контроля, Хрущёв с ними согласился. Поэтому 1 декабря 1962 г. во время своего знаменитого посещения Манежа он яростно выступил против «абстракционизма» как аморального «антисоветского искусства». Стала очевидна иллюзорность надежд молодых писателей «приспособиться» к «либеральной группировке» власти.

Однако Евтушенко продолжил свои попытки: 17 декабря 1962 г., когда около 400 представителей творческой интеллигенции были приглашены в Кремль на встречу с Хрущёвым и другими партийными лидерами, он выступил в защиту скульптора Эрнста Неизвестного. По адресу Неизвестного Хрущёв заметил, что «только могила горбатого исправит». Евтушенко же парировал, что прошли те времена, когда могилу использовали для исправления людей – и прочитал несколько строк из «Бабьего Яра» [3]. Хрущёв неплохо относился к Евтушенко, но в своих мемуарах отозвался о нем как о «неуправляемом» [10]. Р. Милнер-Голланд рассказывает о том, как незадолго до смерти в 1971 г. Хрущёв пригласил Евтушенко к себе на дачу, тот поехал

и, в частности, спросил его, почему он так ужасно вел себя в 1962 г. Хрущёв пояснил, что на него оказывалось ужасное давление, но все-таки ни один волосок не упал ни с чьей головы [10].

Когда Евтушенко был на пике славы, существовала, по мнению Конквеста, тенденция недооценивать эстетику его стихов. Ранняя поэзия Евтушенко, поклонника широко известного в России Киплинга, примечательна энергетикой, прямоотой, ритмом, гражданственным пафосом. Но когда политическая ситуация изменилась, этот тон стал помехой. «Общественный» поэт стал уязвим для политического давления, если не обладал (как Солженицын) глубокими нравственными ресурсами.

Хрущёвский «либерализм» достиг кульминации в середине 1962 г., когда был опубликован «Один день Ивана Денисовича». Хрущёв действительно хотел улучшить советскую общественную жизнь и разрушить сталинизм, но не был готов подвергнуть сомнению основополагающие принципы коммунизма. «Либералы» поддерживали его, но не были едины. Одни восприняли атаку на сталинизм как этап более широкой «либерализации», ведущей к торжеству в России интеллектуальной и гражданской свободы. Другие разделяли его позицию – власть над мыслью и литературой должна оставаться у ЦК партии, но надеялись хотя бы на возвращение свобод, пусть узких по западным меркам, которые существовали в России в 1920-е годы. В 1963 г. все закончилось: Солженицын и другие ушли в оппозицию; Евтушенко и подобные ему стали сотрудничать с властью [3].

В начале 1963 г. Евтушенко, по словам Р. Конквеста, держался еще стойко и, будучи в Париже, опубликовал в левом французском журнале «Экспресс» свою биографию («A Precocious Autobiography»), где живо представил свою анархическую юность и, в частности, рассказал о смерти Сталина в 1953 г. Евтушенко критиковал партийных догматиков, в том числе их антисемитизм, и писал, что в России все тираны верят: поэты их худшие враги. Он выступил в Париже со стихотворением «Мертвая рука», содержащем строки: «Кое-кто еще глядит по-сталински...». 4 марта 1963 г. его отозвали в Москву и он, представ перед Хрущёвым и Ильичёвым, после попытки защититься, сдался, признав, что совершил «непоправимые ошибки» и постарается исправиться в будущем. Его простили: власть пришла к выводу, что он еще будет ей полезен [там же].

В целом, как считает Конквест, период правления Хрущёва и первый год после его «падения» был по советским критериям терпимым. Однако зимой 1962–1963 гг. по творческой интеллигенции был нанесен сильный удар. Надежды на улучшение умерли, оптимистическое настроение писателей сменилось тревогой и мрачными предчувствиями. Тут, как считает Конквест, и произошел поворот в эволюции Евтушенко. На поверхность вышло темное начало его жизни. Будучи за границей, он оклеветал Ольгу Ивинскую,

любовницу и частично наследницу Пастернака, которую после смерти поэта в 1960 г. арестовали и приговорили к восьми годам заключения по обвинению в незаконных операциях с валютой при получении зарубежных гонораров Пастернака. Его западные коммунистические издатели сразу дали понять, что все обвинения ложны. Однако Евтушенко, находившийся на Западе, в частности в Англии, когда его спросили, не может ли он что-то сделать для Ивинской, ответил, что не имеет ничего общего с «валютчиками». За рубежом он служил власти, ибо, по словам Конквеста, именно Хрущёв, как показал британский писатель и журналист Эдвард Крэнкшоу, автор книг «Хрущёвская Россия» (1959) и «Хрущёв: Карьера» (1966), загнал Пастернака в могилу и мстил его близким. Евтушенко же не просто повторял партийную версию, он зашел гораздо дальше, заметив, что «Доктора Живаго» «не стоит публиковать» в России [3].

В 1965 г. вышла поэма Евтушенко «Братская ГЭС», не лишенная, по мнению Конквеста, достоинств в описании Сибири, но представившая взгляд либерала-партаппаратчика. Евтушенко не замолчал факт строительства ГЭС в основном зэками, не прославлял сталинскую систему рабского труда, но ретушировал ее. В его изображении зэки, невинные жертвы, несмотря ни на что, верят в правоту партии. Конквест предлагает сравнить поэму Евтушенко с повестью Солженицына «Один день Ивана Денисовича», автор которой сам был узником сталинских лагерей.

Конквест не забывает и того, что в феврале 1966 г., когда судили А. Синявского и Ю. Даниэля, Евтушенко не подписал «Письмо 63-х» в их защиту (его подписал даже И. Эренбург). Таким образом, Евтушенко оказался в «фаустовской ситуации». Но его сотрудничество с «идеологическим дьяволом» Конквест не считает просто циничной сделкой: Евтушенко искренне надеялся на улучшение ситуации. В 1968 г., после советского вторжения в Чехословакию, он послал советскому руководству телеграмму с протестом: он одобрял социализм с человеческим лицом [там же].

А в это время, как пишет Конквест, обвиненный в 1968 г. в «антисоветской пропаганде» поэт Ю. Галансков погибал в трудовом лагере. Приговор Галанскову осудили и британский философ Б. Рассел, и многие западные писатели, и коммунистические партии Западной Европы. Евтушенко не подписал письма протеста, не помог – несмотря на просьбы родственников осужденного – освободить поэта из тюрьмы, однако присоединился к тем, кто заявил, что выйдет из Союза писателей, если из него исключат «подписантов».

В 1970-е годы Евтушенко ездил во многие страны Европы, бывал в США. Во время поездок – и в публичных выступлениях, и в частных беседах – он осуждал А. Синявского и Ю. Даниэля. В США, когда студенты спросили его, что он думает об этом деле, он ответил: они виновны, но наказаны

слишком сурово. И спросил: «А как бы вы реагировали, если бы один из ваших писателей издал книгу в Европе под вымышленным именем?». Этот ответ вызвал у слушателей смех. Но все-таки во время своих путешествий он старался сохранять позицию либерала, что было выгодно и ему, и советской власти. Поэт критиковал политику Запада, а за это ему позволяли признавать и некоторые несовершенства жизни в СССР [3].

Конквест, член Британского межпланетного общества, встретил Евтушенко на мысе Кеннеди на запуске космического корабля «Аполлон» в апреле 1972 г. Советский поэт произнес банальную, на взгляд Конквеста, речь о том, что Гагарин (конечно, его «близкий друг») и американские космонавты рассказывали ему о своих переживаниях, когда из космоса смотрели на одинокую, маленькую землю и думали, как печально, что она разделена границами и люди не могут их пересекать. Конквеста шокировал сам факт посещения Евтушенко мыса Кеннеди: большинство советских граждан были «заперты» в границах своей страны. А когда американская журналистка спросила Евтушенко, почему он ездит за границу, а другие русские писатели – нет, он разозлился и назвал ее «гиеной» [там же].

За рубежом Евтушенко далеко не всегда имел успех. Во время тура по Америке в 1972 г., когда он выступал вместе с американскими поэтами – Р. Уилбуром, С. Кьюницем, Дж. Дики, некоторые его слушатели, в их числе американский поэт и сенатор Ю. Маккарти, были крайне недовольны его лживыми пропагандистскими стихами. Со временем, как считает Конквест, Евтушенко писал все хуже. Его «социальные» стихи были слабыми и в переводе почти не обладали эстетическим обаянием, производя впечатление политических речей. Конквест цитирует видного американского поэта и критика А. Тейта, назвавшего Евтушенко «плохим актером, а не поэтом» и заметившего, что «цирк такого рода унижен и вульгаризирует поэзию» [там же].

Однако Евтушенко был популярен в США, многие считали его оппонентом советского истеблишмента, хотя в СССР он уже утратил эту репутацию. Этот парадокс Конквест объясняет невежеством американской аудитории и психологическими особенностями: А. Камю как-то заметил, что просоветские французы не столько любят русских, сколько «от души ненавидят французов». Аналогично и в США было много людей, которым – чтобы положительно относиться к человеку – нужно лишь знать, что этот человек критикует их страну или ее политику.

Среди факторов «американской славы» Евтушенко Конквест называет его эффектную внешность и стиль поведения. Но главным была все же его поэтическая деятельность: прежде всего поэма «Бабий Яр», свидетельствовавшая, в частности, о неприятии антисемитизма. При этом мало кто знает, что поэма существовала в двух вариантах: американском и советском. Из

советского варианта Евтушенко исключил две строки о евреях и включил две другие с упоминанием русских и украинских жертв нацизма. Однако на Западе – очевидно, с официального одобрения – поэт читал изначальный текст.

В целом Конквест видит в Евтушенко не либерального рыцаря, «продавшего власть», а поэта, чей «ограниченный либерализм» раздули – не он, а его западные поклонники. Сам Евтушенко утверждал, что сотрудничество с властью дало ему возможность влиять на партаппаратчиков. Однако Конквест обвиняет поэта в неказании помощи жертвам власти и нанесении ущерба либеральным писателям, его компромиссы уничтожили его как личность [3].

Анонимная статья-некролог в британском журнале «Экономист» [11], известном своей левой ориентацией, перекликается со статьей Конквеста. Евтушенко представлен как поэт, выразивший настроения своего поколения, живой, тревожный дух постсталинской эпохи и отнюдь не монолитной советской системы. Автор некролога называет Евтушенко «поэтом перформанса» (performance poet), пишет об его обаянии и остроумии. Яркий, выделяющийся на сером фоне официальной советской культуры, Евтушенко стал «звездой». «Комиссары от культуры» тогда предпочитали не сажать в тюрьму такие популярные, беспокойные таланты, а держать их в позолоченных клетках. И лишь самые великие сумели выстоять против такой «ласки».

Евтушенко не был из их числа. Он использовал преимущества своей известности: упрекал Хрущёва за его выступления против свободы культуры, защищал некоторых преследуемых в 1960-е годы, в частности Бродского. Но все его протесты оставались в рамках системы: он был своеобразным «клапаном безопасности», позволявшим смягчать интеллигентское недовольство советской системой. Несмотря на «яркое павлинье оперенье» и склонность к саморекламе, он не обладал большой храбростью, не говоря уж о гениальности. Его поклонники могли переоценивать достоинства его поэзии. И пока он пожинал плоды своей славы, пишет автор некролога, политзаключенные умирали в трудовых лагерях. Евтушенко жил по принципу «и нашим и вашим»: писал о несовершенствах советской системы, но пользовался ее благами, критиковал Запад, но любил там бывать и в конце концов с 1991 г. обосновался в США, в фермерской Оклахоме – преподавал в университете городка Талса [там же].

«Лицензированным оппозиционером» и советским поэтом – поп-звездой 1950–1960-х годов называет Евтушенко шотландский писатель и журналист А. Мэсси. Он сомневается в том, что имя Евтушенко ныне много значит для читателей, особенно для читателей молодых, и не удивлен тем, что в последние годы тот жил и работал в США, что характерно, на его взгляд, для русских писателей. Мэсси вспоминает о встрече с Евтушенко осенью 1977 г. в Москве на ужине в британском посольстве, где тот производил впечатление

частого гостя – тогда как советским гражданам посещение иностранных посольств запрещалось. После ужина Евтушенко пригласил Мэсси и его коллег к себе на дачу в Переделкино и повел на могилу Пастернака. На вопрос Мэсси, был ли Пастернак его другом, Евтушенко [напомнив Хлестакова. – *Т. К.*] ответил: «Очень хорошим другом. Он был очень хороший человек. Великий поэт. Но печальный». Мэсси, не посвященный в историю советской культуры, вспоминает Евтушенко с удовольствием: на него произвело впечатление «бескорыстное гостеприимство» поэта [8].

Очевидно, что в Британии наметилась четкая линия не просто двойственного, а зачастую, как в случае К. Эмиса и Р. Конквеста, негативно-иронического отношения к Евтушенко. В 1967 г. кампания по выборам Евтушенко профессором поэзии в Оксфорде провалилась [11]. Британский литературовед Дж. Сазерленд с иронией отозвался о романе Евтушенко «Ягодные места» (1982), вышедшем в 1984 г. в английском переводе [19]: «С обложки книги угрюмо смотрит с годами все более мертвенно бледное лицо автора» [16, р. 20]. Роман явно не впечатлил Дж. Сазерленда: на его взгляд, он читается как интуристовская книга путешествий, направленная на реабилитацию Сибири, которая за рубежом ассоциируется с ссылкой, холодом и вынужденным пребыванием там советских диссидентов. Эпизод встречи сибирской девушки и геолога на берегу реки в грозу, когда девственница из девственного края, танцующая обнаженной под дождем, отдается незнакомцу-москвичу в стогу сена (а потом рождает от него ребенка) Дж. Сазерленд рассматривает как метафору технократического века, завоевывающего новый фронт. Этот эпизод романа, как и другие, кажется ему трафаретно-тривиальным, а роман в целом полным авторской саморекламы, которая всегда негативно воспринимается англичанами: Евтушенко вводит в текст романа размышления о своей блестящей карьере и космополитизме, он переносит читателя в президентский дворец Альенде за месяц до его гибели, затем на концерт известной рок-группы на Гавайях, где после концерта ведущий гитарист группы, прогуливаясь по берегу океана с автором романа, вспоминает белую ночь в Ленинграде и русского мальчика, читающего свои стихи. Русский мальчик это, конечно, Евтушенко, чья известность вводит его в лигу западных поп-суперзвезд; сибирский космонавт (напоминающий Гагарина), облетая планету, думает о любимой тайге, а также о некоем молодом поэте (намек ясен). Перевод романа кажется Дж. Сазерленду неудачным: попытка сочетать в нем шутовство крестьянской комедии и романтического лиризма не удалась [16, р. 20–21].

Евтушенко, по словам британского журналиста Дж. Ллойда, автора книги «Возрождение нации: Анатомия России» (1998) [7], принадлежал, благодаря таланту и «готовности соблюдать правила», к советской «привилегированной интеллигенции» (*priviligentsia*). Процесс вхождения в «привилегированную интеллигенцию»

начался для Евтушенко с «Наследников Сталина»: по признанию поэта, в изначальный текст стихотворения, чтобы его напечатали, он включил строки о стройках Турксиба и Магнитки и почтительное упоминание партии. При публикации поэмы «Братская ГЭС» Евтушенко, по его собственному признанию, согласился на 593 изменения в поэме, иначе она бы не была напечатана [6, p. 12].

Американский писатель и журналист С. Шмеман, сын священника А. Шмемана, пытается непредвзято оценить Евтушенко. Он, по мнению С. Шмемана, работал в рамках системы, не примыкая к диссидентам. Их уделом были ссылка или лагерь, а Евтушенко получал государственные награды, его книги регулярно издавались, ему разрешали ездить за границу, где он стал литературной суперзвездой. Порой критики допускали, что он служил госбезопасности или партийной власти. И. Бродский, в 1987 г. вышедший из состава Американской академии в знак протеста против принятия в нее Евтушенко, заметил: «Он бросает камни только в официально разрешенных и одобренных направлениях» [14]. Защитники Евтушенко напоминают о том, что в 1956 г. его исключили из Литературного института за поддержку романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», что он заступился за А. Солженицына (перед главой КГБ – Ю. Андроповым) и был против вторжения советских войск в Афганистан в 1979 г. Нередко критики сомневались в литературном качестве его творчества. Но как его враги, так и друзья признавали, что несколько его стихотворений были шедеврами и вошли в историю русской литературы [там же].

Как сложилась судьба Евтушенко во время и после «перестройки»? По мнению Дж. Ллойда, в «средний период» гласности – с 1987 по 1989 г. – разоблачение преступлений сталинизма было главным делом интеллигенции – как той, что оставалась в официальном русле, как Евтушенко, так и той, что была вне его, как Сахаров. В 1988 г. оба стали сопредседателями антисталинского «Мемориала». Но если Сахаров отвергал коммунизм, Евтушенко, «осторожный неконформист», с самого начала поэтической карьеры не выходивший за пределы истеблишмента, стремился к обновлению коммунизма: он воспринимал гласность как духовную революцию, по значению равную Октябрьской революции 1917 г.

В 1989 г., как отмечает Р. Милнер-Галленд, Евтушенко был избран от Харькова депутатом Верховного Совета, выступал в защиту озера Байкал, за права женщин, за создание памятника жертвам сталинизма напротив Лубянки. В 1990–1993 гг. он был вице-президентом российского Пен-клуба. Но интерес к его поэзии постсоветская Россия утратила. Возможно, этим объяснялся его переезд в США. Обычно он проводил полгода там, полгода – в России. Русская литература оставалась в центре его внимания. В период перестройки он издавал (в журнале «Огонек») антологию современной русской поэзии,

и в результате вышел большой том «Русская поэзия XX века», переведенный на английский язык (1993). Еще раньше, в 1991 г., в Лондоне вышла его книга «Фатальные полумеры» [20], частично объясняющая его отъезд из России [9].

Очень тепло пишет о Евтушенко редактор и издатель журнала «Нэйшн» К. Ванден Хювел, которая, как и ее муж, известный историк-советолог С. Коэн, с 1986 г. дружила с поэтом. Она видит в нем «посланника новой российской реальности», гуманиста, русского патриота и неизлечимого «удалого романтика», который, каламбуя на английском, называл себя «а роetician, not a politician», обыгрывая то, что «поэта» от «политика» отделяют всего две буквы [17].

С. Шмеман характеризует Евтушенко как сторонника гласности и перестройки. Выступая в Союзе писателей, он критиковал привилегии, цензуру и искажение истории. Он публично бросил вызов заговорщикам, пытавшимся захватить власть в 1991 г., был награжден медалью «Защитник свободной России» [14].

Поэзия сделала его известным, но Евтушенко предпочитал в последние годы говорить о себе как о «поэте, писателе, кинорежиссере». Кроме двух романов, 150 сборников поэзии, он поставил два фильма, в нескольких фильмах снимался как актер, писал эссе, издал три книги фотографий. С. Шмеман приводит слова пожилой русской женщины: «Тогда он был для нас символом. Позднее его критиковали за то, что он не был сослан, не угодил в лагерь за протестную деятельность. Но немногие обладали мужеством противостоять режиму, а он обладал. Нельзя обвинять его в том, что он выжил» [там же].

Би-би-си откликнулась на смерть Евтушенко в Талсе 1 апреля 2017 г.: 3 апреля писательница В. Гроскоп сделала 30-минутную передачу о поэте; в передаче речь шла о Евтушенко прежде всего как об авторе «Бабьего Яра» [4].

В США на смерть поэта откликнулись главная национальная газета – «Нью-Йорк Таймс» и крайне популярное в стране Национальное Общественное Радио (NPR). Однако, как отмечает американский блогер С. Хэвен, в социальных сетях было мало откликов, ибо в последние годы репутация Евтушенко поблекла: такова, на ее взгляд, расплата за привилегии, предоставляемые ему властью. Но во времена гибели людей в Сирии, в том числе и детей, стихотворение «Бабий Яр» сохраняет, на взгляд С. Хэвен, свою актуальность [5].

Статья о Евтушенко представлена в американской «Энциклопедии Британника», где, в частности, сказано, что он был представителем молодого постсталинского поколения русских поэтов, чьи ставшие всемирно известными требования свободы и литературы, основывающейся не на политических, а на эстетических критериях, свидетельствовали об ослаблении совет-

ского контроля над художниками в конце 1950–1960-х годов. Дар Евтушенко как оратора и публициста, его харизматичность, его бесстрашная борьба за возвращение к художественной честности быстро сделали его лидером советской молодежи. Он возродил дерзкий, разговорный, непоэтический язык ранних революционных поэтов В. Маяковского и С. Есенина и традиции любовной и личной лирики, которые не одобрялись при Сталине [21].

Евтушенко в восприятии англоязычной критики, по сути, остается тем, кем был – поэтом советской цивилизации. В романе «Не умирай прежде смерти» (1993) он суммировал свои амбивалентные чувства по поводу ее гибели. И в стихотворении (его цитирует С. Шмеман) «Прощай, наш красный флаг» (1992) точно сформулировал свое отношение к ней:

*Я Зимнего не брал.
Не штурмовал рейхстаг.
Я – не из «коммуняка».
Но глажу флаг и плачу [14].*

Библиография

1. Толстой И. Евтушенко: Конец оттепели // Радио Свобода. 2017. 1 апр. URL: <https://www.svoboda.org/a/28404923.html> (Дата обращения: 17.08.2017.)
2. Anderson R.H. Yevgeny Yevtushenko, Poet Who Stirred a Generation of Soviets, Dies at 83 // The New York Times. 2017. Apr. 1. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/01/world/europe/yevgeny-yevtushenko-dead-dissident-soviet-poet.html> (Дата обращения: 25.08.2017.)
3. Conquest R. The sad case of Yevgeny Yevtushenko // The New York Times Archives. 1973. Sept. 30. P. 248. URL: <http://www.nytimes.com/1973/09/30/archives/the-politics-of-poetry-the-sad-case-of-yevgeny-yevtushenko.html> (Дата обращения: 27.08.2017.)
4. Front Row Yevgeniy Yevtushenko remembered... // BBC Radio 4. 2017. Apr. 3. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b08ksc60> (Дата обращения: 20.08.2017.)
5. Haven C. An atrocity in Syria, and Russian poet Yevgeny Yevtushenko remembered // Centhia Haven's blog for the written word. 2017. Apr. 4. URL: <http://bookhaven.stanford.edu/2017/04/an-atrocity-in-syria-and-russian-poet-yevgeny-yevtushenko-remembered/> (Дата обращения: 19.08.2017.)
6. Lloyd J. Perestroika and its discontents // London Review of Books. 1991. July 11. Vol. 13. N 13. P. 12–13.
7. Lloyd J. Rebirth of a nation: An anatomy of Russia. L.: M. Joseph, 1998. 477 p.
8. Massie A. Remembering Yevtushenko // Scottish Review of Books. Glasgow. 2017. June 9. URL: <https://www.scottishreviewofbooks.org/2017/06/remembering-yevtushenko/> (Дата обращения: 26.08.2017.)
9. Milner-Gulland R. Yevgeny Yevtushenko obituary // The Guardian. 2017. Apr. 2. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/apr/02/yevgeny-yevtushenko-obituary> (Дата обращения: 26.08.2017.)
10. Milner-Gulland R. Remembering Yevtushenko // Times Literary Supplement. L., 2017. April 10. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/remembering-yevtushenko/> (Дата обращения: 20.08.2017.)

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

11. More than a poet. Obituary: Evgeny Evtushenko // *The Economist*. 2017. Apr. 20. URL: <https://www.economist.com/news/obituary/21721116-russian-poet-was-83-obituary-yevgeny-yevtushenko-died-april-1st> (Дата обращения: 28.08.2017).
12. Piepenbring D. Sometimes poets are successful, and other News // *The Paris Review*. N.Y., 2017. Issue 221. Apr. 3. URL: <https://www.theparisreview.org/blog/2017/04/03/sometimes-poets-are-successful-and-other-news/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (Дата обращения: 16.08.2017.)
13. Pomerantsev I. Ersatz Freedom – Remembering Yevgeny Yevtushenko // *Hungarian Review*. Budapest, 2017. Vol. VIII. N 4. July 19. URL: http://www.hungarianreview.com/article/20170719_ersatz_freedom_remembering_yevgeny_yevtushenko (Дата обращения: 18.08.2017.)
14. Schmemmann S. Yevgeny Yevtushenko, Who Saw Life and Poetry as a Bowl of Borscht. *New York Times*. 2017. Apr. 5. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/05/opinion/yevgeny-yevtushenko-who-saw-life-and-poetry-as-a-bowl-of-borscht.html> (Дата обращения: 20.08.2017.)
15. Soviet-era poet Yevgeny Yevtushenko dies aged 84 // *BBC News*. L. 1 April 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-39467270> (Дата обращения: 17.08.2017.)
16. Sutherland J. Red Stars // *London Review of Books*. 1984. Vol. 6. N 22/23. Dec. 6. P. 20–21.
17. Vanden Heuvel K. On the Poet Yevgeny Yevtushenko // *The Nation*. N.Y., 2017. Apr. 5. URL: <https://www.thenation.com/article/on-the-poet-yevgeny-yevtushenko/> (Дата обращения: 28.08.2017.)
18. Yevtushenko Ye. *The Selected Poetry*. Baltimore: Penguin Classics, 1962. 96 p.
19. Yevtushenko Ye. *Wild Berries* / Transl. by Bovis A.L.: Macmillan, 1984. 296 p.
20. Yevtushenko Ye. *Fatal Half-Measures: The Allure of Democracy in the Soviet Union* / Ed. and transl. by Antonia Bovis. L.: Little, Brown and Company, 1991. 357 p.
21. Yevgeny Yevtushenko // *Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Yevgeny-Yevtushenko> (Дата обращения: 27.08.2017.)

References

- Anderson R.H. Yevgeny Yevtushenko, Poet Who Stirred a Generation of Soviets, Dies at 83 // *The New York Times*. 2017. Apr. 1. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/01/world/europe/yevgeny-yevtushenko-dead-dissident-soviet-poet.html> (Дата обращения: 25.08.2017.)
- Conquest R. The sad case of Yevgeny Yevtushenko // *The New York Times Archives*. 1973. Sept. 30. P. 248. URL: <http://www.nytimes.com/1973/09/30/archives/the-politics-of-poetry-the-sad-case-of-yevgeny-yevtushenko.html> (Дата обращения: 27.08.2017.)
- Front Row Yevgeniy Yevtushenko remembered... // *BBC Radio 4*. 2017. Apr. 3. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b08ksc60> (Дата обращения: 20.08.2017.)
- Haven C. An atrocity in Syria, and Russian poet Yevgeny Yevtushenko remembered // *Centhia Haven's blog for the written word*. 2017. Apr. 4. URL: <http://bookhaven.stanford.edu/2017/04/an-atrocity-in-syria-and-russian-poet-yevgeny-yevtushenko-remembered/> (Дата обращения: 19.08.2017.)
- Lloyd J. Perestroika and its discontents // *London Review of Books*. 1991. July 11. Vol. 13. N 13. P. 12–13.
- Lloyd J. *Rebirth of a nation: An anatomy of Russia*. L.: M. Joseph, 1998. 477 p.
- Massie A. Remembering Yevtushenko // *Scottish Review of Books*. Glasgow. 2017. June 9. URL: <https://www.scottishreviewofbooks.org/2017/06/remembering-yevtushenko/> (Дата обращения: 26.08.2017.)
- Milner-Gulland R. Remembering Yevtushenko // *Times Literary Supplement*. L., 2017. Apr. 10. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/remembering-yevtushenko/> (Дата обращения: 20.08.2017.)

Milner-Gulland R. Yevgeny Yevtushenko obituary // *The Guardian*. 2017. Apr. 2. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/apr/02/yevgeny-yevtushenko-obituary> (Data obrashhenija: 26.08.2017.)

More than a poet. Obituary: Evgeny Evtushenko // *The Economist*. 2017. Apr. 20. URL: <https://www.economist.com/news/obituary/21721116-russian-poet-was-83-obituary-yevgeny-yevtushenko-died-april-1st> (Data obrashhenija: 28.08.2017.)

Piepenbring D. Sometimes poets are successful, and other News // *The Paris Review*. N.Y., 2017. Issue 221. Apr. 3. URL: <https://www.theparisreview.org/blog/2017/04/03/sometimes-poets-are-successful-and-other-news/> (Data obrashhenija: 16.08.2017.)

Pomerantsev I. Ersatz Freedom – Remembering Yevgeny Yevtushenko // *Hungarian Review*. Budapest, 2017. Vol. VIII. N 4. July 19. URL: http://www.hungarianreview.com/article/20170719_ersatz_freedom_remembering_yevgeny_yevtushenko (Data obrashhenija: 18.08.2017.)

Schmemmann S. Yevgeny Yevtushenko, Who Saw Life and Poetry as a Bowl of Borscht. *New York Times*. 2017. Apr. 5. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/05/opinion/yevgeny-yevtushenko-who-saw-life-and-poetry-as-a-bowl-of-borscht.html> (Data obrashhenija: 20.08.2017.)

Soviet-era poet Yevgeny Yevtushenko dies aged 84 // *BBC News*. L. 1 April 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-39467270> (Data obrashhenija: 17.08.2017.)

Sutherland J. *Red Stars* // *London Review of Books*. 1984. Vol. 6. N 22/23. Dec. 6. P. 20–21.

Tolstoj I. Evtushenko: Konec ottepeli // *Radio Svoboda*. 2017. Apr. 1 URL: <https://www.svoboda.org/a/28404923.html> URL: <https://www.svoboda.org/a/28404923.html> (Data obrashhenija: 17.08.2017.)

Vanden Heuvel K. On the Poet Yevgeny Yevtushenko // *The Nation*. N.Y., 2017. Apr. 5. URL: <https://www.thenation.com/article/on-the-poet-yevgeny-yevtushenko/> (Data obrashhenija: 28.08.2017.)

Yevgeny Yevtushenko // *Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Yevgeny-Yevtushenko> (Data obrashhenija: 27.08.2017.)

Yevtushenko Ye. *Fatal Half-Measures: The Allure of Democracy in the Soviet Union* / Ed. and transl. by Antonia Bovis. L.: Little, Brown and Company, 1991. 357 p.

Yevtushenko Ye. *The Selected Poetry*. Baltimore: Penguin Classics, 1962. 96 p.

Yevtushenko Ye. *Wild Berries* / Transl. by Bovis A.L.: Macmillan, 1984. 296 p.